

Носова Л.В.
(г. Одесса)

Фракийские элементы в культуре Северо – Западного Причерноморья античной эпохи (в связи с раскопками на “теменосе” Кошарского городища)

Кошарский археологический комплекс конца V(?) – первой трети III вв. до н.э. включает городище и некрополь, компактно расположенные на плато правого берега Тилигульского лимана, в его устье (Одесская обл., Коминтерновский район) (рис.1).

Предположение о вхождении Кошарского городища в состав Ольвийского полиса подтверждают находки предназначавшихся для внутреннего рынка медных ольвийских монет (Диамант, 1978, с.241-249) и общая характеристика могильника (Диамант, 1989, с.65-66; Редина, 1994, с.106-108). Обломки мраморных надгробий, обнаруженные на территории Кошарского некрополя, свидетельствуют о присутствии среди обитателей городища греков (Диамант, 1989, с.24-25). На это же или на значительную эллинизированность населения городища указывают и находки граффити.

По-видимому, начиная уже со второй четверти IV в. до н.э., грунтово-постройки в северо - восточной, жилой, части городища постепенно сменяются наземными сырцово - каменными домами. С третьей четверти IV в. до н.э. Кошарский памятник с полным основанием можно охарактеризовать как урбанизированный центр с регулярной прямоугольной системой планировки (Левина, 1991, с.115-117). Архитектурные остатки этого периода свидетельствуют о хорошем знакомстве обитателей городища с античными домостроительными традициями, причём ольвийскими, косвенным доказательством чему является использование слоевых субструкций (Редина и др., 2001, с.205).

Конец V — первая половина III вв. до н.э. был периодом политической и экономической активности Ольвии и максимального расширения её сельскохозяйственной округи. Кошарское городище, вероятно, являлось форпостом Ольвии на западе, территориальным административным (Буйских, 1986, с.22) и культовым (Носова, 2002, с.66-67) центром ольвийской хоры в районе Тилигула.

Исследователи Кошарского памятника считают его в культурно - этническом плане скорее греческим. Вместе с тем, на базе анализа комплекса лепной керамики из Кошар был сделан вывод о присутствии в составе населения городища, возможно, значительной варварской прослойки (Диамант, Левина, 1991, с.93).

В 1998 - 2001 гг. проводились раскопки на предполагаемом сакральном участке в юго - западной части городища (рис.2, П). Они позволили расширить круг источников и сделать новые наблюдения

относительно варварских элементов в культуре памятника. Краткое изложение результатов этих исследований предлагает данная публикация.

На южной оконечности мыса, занятого Кошарским памятником, находится (рис.2, 2) зольный холм — общественный жертвенник открытого типа, главный жертвенник городища. Принцип устройства зольника аналогичен греческим наземным жертвенникам (зоуари). Процесс формирования культурных напластований Кошарского зольника, по-видимому, в значительной мере соответствует описанию зольных алтарей (βοηός) у Павсания (Paus., V, 13, 8-11). В отложениях эсхары зафиксированы дуговидные каменные сооружения ритуального характера; прослежены материальные остатки бескровной разновидности жертвоприношений — волжаний мёдом и оливковым маслом; из прослоек золья, образовавшихся *in situ* в результате жертвоприношений сожжением, получен разнообразный палеоботанический материал (Носова, 2002).

Зольный характер грунта, выходы на поверхность крупных камней и ракушки отмечались на удалённом от жилых комплексов и явно тяготеющем к зольнику юго - западном секторе памятника (рис.2, П). Эти наблюдения навели на предположение, что юго - западному участку в пространственной структуре городища отводилась роль священного и, возможно, там находились какие-нибудь культовые постройки или распаханный зольник (зольники?).

Для проверки гипотезы были заложены два контрольных раскопа у предполагаемых границ сакральной зоны. Один — к северо - западу от эсхары, южнее неглубокой балки, которая тянется с запада на восток через весь мыс и отсекает территориально городища от плато (рис.2, 1). При дешифровке аэрофотоснимков правого берега Тилигульского лимана (Брушко, Назарова, Петренко, 1991, с.43) эта балка (остатки рва?), очевидно, была принята за следы древней дороги (рис.1). Второй раскоп был заложен к северо - востоку от эсхары, в небольшой ложбине, которая отделяет зольник от самой высокой, занятой жилыми комплексами, северо - восточной части городища.

В первом раскопе культурный слой лежал непосредственно под слоем гумуса и представлял собой стратифицированный прослойками раковин и чистого плотного суглинки серо - зольный грунт. По текстуре этот грунт аналогичен верхним напластованиям эсхары. Эти отложения подстилала плотная, археологически почти чистая, желтовато - коричневая погребённая почва. На разрезе в ней чётко читались белесые следы от истлевшей корневой системы древнего дернового слоя.

На уровне древней дневной поверхности (ДДП) зафиксированы края котлована округлой полуземлянки №1 (2,95 × 3,24 м). Её глубина от уровня ДДП - 0,81 - 1,18 м. По всей окружности постройка имела ступеньку, на уровне которой в стенах котлована были вырыты пять небольших ниш. Никаких следов постоянных печей или очагов не обнаружено. Полуземлянка могла иметь коническое перекрытие, хотя диаметр углублений (одно - по центру котлована, два - на ступеньке), вероятно, от опор, обнаруженных в

волу под глиняными слоями подмазок, не исключает и сооружения простого навеса (рис.2, 3).

На краю котлована дугой лежали крупные камни. Возможно, они являлись конструктивными деталями постройки, но археологический контекст не противоречит и предположению, что это дуговидные выкладки ритуального характера, аналогичные зафиксированным в зольнике. Месторасположение полуземлянки, многослойная, подобно зольнику, структура её заполнения, многочисленные находки не исключают вероятность вторичного использования котлована как ботроса.

Культурный слой, лежащий на древней дневной поверхности, датируется по керамическим импортам концом IV — началом III в. до н.э. Находки из заполнения котлована, в основном, относятся ко второй половине IV в. до н.э. У самого дна полуземлянки обнаружена ножка амфоры Менды 70-х гг. - середины IV в. до н.э. (верхняя дата периода функционирования полуземлянки?).

Стратиграфическая картина во втором контрольном раскопе, у северо-восточной границы предполагаемого "теменоса", была диаметрально противоположной: слои располагались в порядке их естественного залегания, потребленная почва и культурный слой по разрезу не читались, находки были невыразительны. Здесь также был открыт округлый в плане котлован полуземлянки (диаметр 3,05-3,28 м, глубина от современной поверхности - 1,4 м) (рис.2, 4). Его заполнение имело более выраженный серый оттенок и содержало больше материала по сравнению с окружающей почвой. Следы очага или кострища отсутствуют. Углублений от опорных столбов не обнаружено. Возможно, подпорными были лежащие хаотично у дна котлована крупные камни. Однако близость жары и отсутствие следов долговременного использования, а также конструктивных деталей, позволяющих уверенно соотнести это округлое углубление с жилим, хозяйственным или производственным комплексом, допускают интерпретацию объекта как ритуального. Диагностируемый керамический материал, обнаруженный на этом участке, относится ко второй половине IV - началу III вв. до н.э.

По имеющимся данным, сооружение котлована I примерно синхронно началу использования подготовленной под жертвенник площадки, во всяком случае, в её исследованной части (вторая четверть - середина IV в. до н.э.). На вероятность более ранней закладки зольника указывают единичные керамические находки. Гипотетически их можно рассматривать и как следы первоначального освоения поселенцами того - западной части городища. Она расположена вдоль, предположительно, водонесной в древности балки, что могло обусловить интерес первопоселенцев к этому участку. Не отвергая такой вариант интерпретации ранних находок, нужно оговориться, что надёжных археологических доказательств ему пока нет. Обе округлые грунтовые постройки территориально, по-видимому, и хронологически, и функционально связаны с жертвенником и использовались при совершении каких-то ритуалов на этом своего рода

"теменосе". Его ядром был зольник. Не исключено, что округлая форма открытых строений объясняется их принадлежностью к сакральной зоне и/или этнической неоднородностью населения городища.

Вероятная связь округлой формы грунтовых конструкций с их назначением может быть подтверждена лишь косвенными данными. В архаических слоях на участке АГД в Ольвии были открыты 29 грунтовых объектов. В единственной среди них округлой полуземлянке были обнаружены изготовленная из стенки чернофигурного сосуда "вамотка" и остраконы из фрагментов чернофигурной и сероглиняной керамики (на одном - граффито-посвящение Деметре) (Крижицкий, Русасва, 1978, с.8-9, рис.6, 7; 10). Не исключено, что приведённый пример является лишь случайным совпадением.

К кому же отнести Кошарский "теменос" и зольник - к миру варварства или эллинизма?

Краткая общая характеристика памятника в Кошарах свидетельствует о возможности использования "теменоса" в греческой культовой практике. Зольные жертвенники эллинов известны по письменным и археологическим источникам. Судя по доступным публикациям, структура отложений зольника в Кошарах и массива происходящих из него находок по основным параметрам совпадают с данными, полученными при раскопках аналогичных объектов в материковой Греции и Северном Причерноморье (Гайдукевич, 1987, с.66-95). Вместе с тем, открытые в Кошарах грунтовые строения, большое количество лепной керамики и тот же зольник, по мнению многих исследователей, являются индикаторами присутствия на поселениях варварских этносов.

Сворачивание в конце первой трети V в. до н.э. ольвийской хоры имело своим следствием стягивание её разнотипных обитателей в город или поближе к городским стенам: археологически фиксируется увеличение территории города, застраивается его нижняя часть и предместье (Козуб, 1979, с.4-7; Марченко, 1999, с.153; Крижицкий, 2001, с.26).

Именно на этот период совместного с греками проживания в городе или же, если говорить о разделении в пространстве греков и варваров (город — предместье), на период ежесдневной сопричастности варварского населения эллинистическому быту и культуре, приходится пик унификации / метисации и параллельно эллинизации варваров. К результатам культурной (в широком смысле) унификации представителей гетерогенного варварского населения можно отнести безусловное типологическое и морфологическое обеднение в указанный период ольвийского комплекса лепной керамики (Марченко, 1988, с.121-123). В период сворачивания хоры, в процессе взаимодействия эллинов и варваров, вырабатывается, по-видимому, наиболее рациональная модель грунтового жилища. Отражением этого процесса являлось "существенное обеднение числа морфологически различных типов" грунтовых сооружений на втором этапе заселения ольвийской хоры (Марченко, 1999, с.163). В IV - III вв. до н.э., в отличие от периода поздней архаики, излюбленной формой земляных сооружений новых поселенцев

"становятся почти исключительно прямоугольные в плане структуры" (Марченко, 1999, с.163). Постройки иных форм на входящем в состав Ольвийского полиса Кошарском городище косвенно свидетельствуют о притоке "свежего" этноса и могут представлять определённый интерес при попытке культурно-этнической интерпретации памятника.

По результатам раскопок, для поселений степных скифов конца V - IV вв. до н.э. (периода возникновения длительных зимовий) и синхронных Кошарскому северных гетских памятников наиболее характерны прямоугольные в плане грунтовые постройки (Гаврилюк, 1989, с.27; Никулиця, 1977, с.59).

Округлые (наряду с иными) грунтовые конструкции и зольники присущи поселениям лесостепной зоны Правобережья Днепра. С этим регионом нижнебугские эллины были связаны наиболее тесно. Однако самая многочисленная и характерная для Кошар скифоидная степная керамика на поселениях лесостепи в значительном количестве появляется лишь с IV в. до н.э. (Ковпаненко, Бессонова, Скорый, 1989, с.138). Наблюдается отличие и при сравнении лесостепных зольников (с ними иногда генетически связывают античные сакральные объекты) с Кошарской эсхарой. Зольники лесостепи, как правило, начинались с углублений, над которыми в дальнейшем росла насыпь (Рыбаков, 1981, с.308-312). В Кошарах такой характер образования культурного слоя пока отмечен лишь на предполагаемом священном участке городища. Исследованные здесь культурные отложения, хоть и подобны по своей структуре отложениям зольника, но лежат непосредственно на древней дневной поверхности. Внутренние в более ранние слои ямы, в том числе небольшое углубление в основании жертвенной насыпи, удалось проследить и в зольнике. Однако, судя по профилям стратиграфических траншей (общая протяжённость более 42 м), слой подсыпки, перекрывающий специально подготовленную под эсхару площадку, нигде не "зарезан". По-видимому, площадка изначально предназначалась для жертвенника и рассматривалась именно как жертвенник, а не просто часть "теменоса". Интерес представляют зафиксированные в культурных отложениях зольника и сакрального участка прослойки и локальные скопления раковин. Часто раковины моллюсков находили закрытыми. Внутри крупных, заполненных мелким (морским?) песком створок встречаются очень маленькие, тоже закрытые экземпляры. Создаётся впечатление, что раковины, которые древние считали символом плодородия и возрождения, сгребали прямо с песком (осенью?) на побережье и несли наверх исключительно в культовых целях. Учитывая расстояние от края мыса до берега реки, а тем более моря, речь идет не только и не столько о различиях в фауне лесостепи и низовьев Тилигула, но о сформировавшейся сакральной традиции. Эта традиция косвенно отрицает прямую генетическую связь зольника в Кошарах с лесостепью, однако, не исключает присутствия среди эллинизированных варваров городища потомков выходцев из лесостепи. Прослойки раковин в эсхарах Мирмекия (Гайдукевич, 1987, рис.106) и культурных отложениях Китейского

святилища (Молева, 1999, с.121-125) подтверждают использование зольников в греческой культовой практике, так как состав варварского населения на европейском Боспоре и в низовьях Тилигула отличался. Кроме греков, единственным археологически засвидетельствованным на Кошарском городище этническим компонентом, с которым можно соотносить традицию принесения на сакральные памятники раковин и их использования в ритуалах (Балабанов, 1986, с.223), является фракийский.

Если обратиться к традиционному этническому показателю - лепной керамике, то в Кошарах наибольшим количеством представлена посуда скифоидных "степных" форм. На втором месте - сосуды фракийского облика; третья группа - лепная посуда, имитирующая формы греческой кружальной керамики. Четвёртый компонент представлен отдельными сосудами, с характерным для лесостепной зоны Украины и Молдавии орнаментом (Диамант, Левина, 1991).

В составе степняков, кроме этнических скифов, по предположению К.К. Марченко, были и потомки степного населения предскифского времени, вынужденные сменить оседлый образ жизни на полукочевой или даже кочевой (Марченко, 1988, с.119). Если гипотеза исследователя верна, то процессы седентаризации, прежде всего, должны были коснуться второго, нескифского, компонента. Появление, с одной стороны, греческих колоний (пусть неравное, но возможное экономическое партнёрство), а с другой, - пришлых кочевников - скотоводов (потенциальная военная угроза и потенциальные экономические конкуренты), создаёт предпосылки для возвращения к оседлости представителей этой аборигенной части населения степи. С ней связано, вероятно, отчасти формирование комплекса "степной" лепной керамики (Марченко, 1988, с.118-119). Не исключено, что с предскифской группой обитателей Южного Побужья (Гребенников, Елисеев, Ключищев, 1984, с.33-49), соотносится распространение в Ольвии, а затем и на памятниках её хоры (в том числе в Кошарах) традиции подбойных захоронений.

Если рассматривать лепную керамику как показатель присутствия варварских этносов, а керамику скифоидных форм как продукцию степняков - кочевников, получается, что, по крайней мере, около половины населения Кошарского городища были осевшими этническими скифами или осевшими потомками кочевых или полукочевых коренных обитателей причерноморских степей (поглощённых пришлыми кочевниками или, наоборот, вытесненных ими). Однако нужно согласиться, что в таком случае "варварское начало" в материальной культуре памятника проявилось слишком односторонне. Из краткой характеристики Кошарского городища становится очевидным, что о населении, ведущем оседлый образ жизни в первом и даже втором поколении, речь не идет. На это же указывает и земледельческая традиция сооружения зольников.

Исследователи Кошарского памятника считают преобладание лепной скифоидной посуды на городище следствием его значительной удалённости от "столицы" (Диамант, Левина, 1991, с.93). Действительно, даже при

допущении, что античные поселения Одесского залива (Лузановка, Жевахова Гора) входили в зону влияния Ольвии, Ковчарское городище остаётся одним из самых западных пунктов Ольвийского полиса. Фактор расстояния обусловил в определённой степени, предположительно, товарный характер изготовления лепной посуды. Это, в свою очередь, объясняет, почему при значительном для такого отдалённого пункта разнообразии форм привозной греческой керамики, используемая в большом количестве в повседневной жизни кухонная посуда представлена в Кошарах, в основном, лишь лепными однотипными горшками средних и крупных размеров. В данной ситуации с точки зрения этнической принадлежности многочисленная скифидная лепная керамика оказывается малоинформативной.

Интерес представляют фракоидные сосуды. Из-за фрагментарности материала о процентном соотношении фракоидных и иных форм лепной посуды судить трудно, но фракийский компонент, хоть и явно уступающий по количеству "скифскому", отчётливо прослеживается в материалах Кошарского памятника. Присутствие фракоидной посуды в Ольвии и на поселениях её хоры позднеклассического времени объясняют инфильтрацией отдельных представителей фракийских племён в результате нового усиления и экспансии на восток северной ветви гето - фракийцев (Марченко, 1988, с.126). Хотя такой путь попадания фракийцев на территорию Ольвийского полиса вполне вероятен, кажется более убедительным мнение, что, как и в VI - V вв. до н.э., появление керамики фракийского облика на античных памятниках IV - III вв. до н.э. происходило независимо от ситуации в прилегающих к ним степных районах (Мелюкова, 1995, с.30). Можно предположить, что присутствие фракийского компонента в керамическом комплексе Кошар явилось результатом притока длиннорылого варварского населения с западного побережья Понта (из других понтийских греческих центров?), и с этими пришельцами соотносятся малочисленные для ольвийской хоры рассматриваемого периода округлые грунтовые строения.

Вопрос происхождения данного типа земляных конструкций поднимался исследователями. Из опубликованных построек правильной округлой формы со стабильными признаками, самые ранние на территории Украины открыты на раннескифских памятниках лесостепного междуречья Южного Буга и Днестра (поселение у с. Долиняны, Немировское и Севериновское городища) (Смирнова, 2000). Появление подобных комплексов в степной зоне совпадает с началом эллинистической колонизации Северного Причерноморья, возникновением греческих городов и поселений их охры.

Поиски прототипов округлым постройкам лесостепи "в местной черноморско - жаботинской среде Буга - Поднестровья не привели пока к положительным результатам" (Смирнова, 2000, с.89). Правомочность гипотезы о привнесении рассматриваемой строительной традиции в Северо - Западное Причерноморье с территории обитания протофракийских и фракийских племён подтверждают:

1) существование подобного типа грунтового жилища в археологических культурах Румынии с периода раннего гальштата (Gutâ, 1993, p.198, 204-205, 217-218, 235), а также округлые земляные постройки, открытые в архаических слоях памятников южной Румынии (Preda, 1961, p.209-211, fig.1) и Добруджи (Berciu, Preda, 1961, p.274-278; Simion, 1997, p.231-232, fig.3);

2) фиксируемое на раннескифских памятниках лесостепи влияние (присутствие носителей традиций?) культур фракийского гальштата (Мелюкова, 1979, с.73, 81-86; Смирнова, 2001, с.33-44) и несомненное присутствие фракийцев в составе населения греческих городов и поселений их хоры (Марченко, 1988, с.110-115);

3) сходство по ряду конструктивных особенностей округлых строительных комплексов античных поселений с жилищами такого рода в лесостепи (Смирнова, 2000, с.90), что позволяет предположить единый источник происхождения округлых конструкций обеих групп памятников.

В архаических слоях Березани максимум округлых грунтовых построек приходится на вторую - третью четверти VI в. до н.э. (Soloviov, 1999, p.40, fig.17). В лепной керамике этих комплексов доминирует фракоидная, которая "related to that of eastern Podolia and the central Dniestr region (areas very much under tangible Thracian cultural influence)" (Soloviov, 1999, p.43-44, fig.19). Несомненно, к фракоидной отнесена и посуда, аналогичная присутствующей в синхронных керамических комплексах городов левого берега Понта, где эта керамика соотносится с местным фракийским населением (Марченко, 1988, с.83-85, 110-112). Исследователи отмечают сходство серых кружальных сосудов из архаических слоёв Березани с сероглиняными, "фракийскими", сосудами Среднего Поднестровья (Смирнова, 1999, с.54-55). Освоение кружальной технологии, производство сероглиняных сосудов и их распространение шло, вероятнее всего, из района Истрии, через южных фракийцев, по Пруту и Днестру на северо - запад (Бруйко, 1992, с.19-20; Смирнова, 1999, с.55-56). В пользу пруту - днестровского ("фракийского"), а не южно - бугского (из Березани) пути попадания навыков изготовления серой гончарной керамики в Среднее Поднестровье свидетельствует отсутствие аналогичной посуды на синхронном Немировском городище (Смирнова, 1999, с.55).

Только округлые грунтовые постройки выявлены в позднеархаическом слое тяготеющего к Березани памятника Куцуруб-1 (Марченко, Доманский, 1999, с.53-59). Здесь же исследован небольшой зольник (древнейший на ольвийской хоры) (Марченко, Доманский, 1999, с.60-61). Судя по комплексу лепной посуды, наиболее крупным этническим компонентом Куцуруба-1 был фракийский; на втором по количеству месте - выходцы из степной зоны Причерноморья (Марченко, Доманский, 1999, с.72). Керамика с характерной для лесостепи орнаментацией почти не обнаружено. Ни для примитивных конических жилищ типа чума ранних кочевников (скифские "бани"), ни для более поздних юрт нехарактерно наличие центрального подворного столба (Ванштейн, 1976, с.42-62),

зафиксированное в части построек Кудуруба-1. Наиболее вероятно, что зольник и грунтовые строения Кудуруба-1 соотносятся с пришельцами "из какого-то региона Карпато - Дунайского бассейна" (Марченко, Доманский, 1999, с.74). Появление фракийского по происхождению населения на Березани, в Ольвии и их округе было обусловлено греческой колонизационной практикой (Мелюкова, 1979, с.181).

Подобная по ряду характеристик картина наблюдалась и в Нижнем Поднестровье на позднеархаическом поселении Надлиманское-3. На момент его открытия на поверхности были видны 8 зольников (Мелюкова, 1980, с.5, 12). Из 11 исследованных в Надлиманском-3 полуземлянок 8 имели округлый котлован (Охотников, 1990, с.12, табл.1). В то же время в Николии, с которым связывают поселения левого берега низовьев Днестра (Охотников, 1990, с.68), все грунтовые строения были прямоугольными (Секерская, 1989, с.30). В комплексе лепной керамики Надлиманского-3 определенно имеется фракийский компонент. Эллинистическая колонизация левобережья Днестровского лимана шла, по-видимому, с территории Западного Причерноморья, из Истрии (Мелюкова, 1979, с.162). Основание Николии истрийскими греками могло повлечь за собой переселение в Нижнее Поднестровье части окружающих Истрию южно - фракийских племен Добруджи (Мелюкова, 1979, с.162). Это объясняет элементы сходства в материальной культуре поселений хоры эллинистических городов низовьев Дуная и Днестра.

Связь округлых построек с Фракией (южные фракийцы?) или сопредельными ей регионами косвенно подтверждает выделенная в керамическом комплексе Кудуруба-1 группа лепных, характерно орнаментированных сосудов. Для периода поздней архаики они зафиксированы на памятниках Кудуруб-1 / Большая Черноморка-2 / Березань / Ольвия - Надлиманское-3 - Тариверде. Начало этой цепочки нужно искать намного южнее (Марченко, Соловьев, 1988, с.56-59).

Эти данные позволяют соотносить появление округлых грунтовых комплексов в античных центрах Северо - Западного Причерноморья не только с притоком населения из подвергшейся фракийским влияниям лесостепи (Соловьев, 1985, с.78), но и вышедшей непосредственно из Фракии, вероятно, из истро - понтийской зоны.

Сходство по ряду показателей (культовые зольники, фракийская керамика, округлые полуземлянки) описанных античных памятников с южным участком значительно более позднему Кошарскому комплексу кажется неслучайным и может также объясняться присутствием на городище фракийского по происхождению населения. Улавливаемое сходство косвенно подтверждают погребения (фракийские?) с трупосожжениями на Кошарском некрополе (Редина, 1994, с.106-108) и недавно зафиксированный в отложениях зольника "глиняный плоский очаг-алтарь с концентрическими кругами на поверхности" (Редина, Папуца - Владыко, 2003, с.240). Судя по этому краткому описанию, жертвенник, если не аналогичен, то подобен синхронным сакральным объектам Фракии. Орнаментированные глинобитные жертвенники фракийских памятников эпохи эллинизма

соотносят с культурой южных фракийцев (= одрисов) (Чичикова, 1975, с.194).

Примечательно, что еще в 1962 г., публикуя находку в Ольвии медной монеты Севта III, П.О.Карышковский высказал осторожное предположение о существовании контактов между ольвиополитами и одрисским династом (Карышковский, 1962, с.55). К.К.Марченко отметил совпадение времени появления одрисской монеты и фракийской керамики на территории Нижнего Побужья (Марченко, 1988, с.127). Присутствие в Кошарах фракийской керамики и глинобитного жертвенника допустимо отнести к тому же ряду, возможно, неслучайных совпадений.

Жертвенники Севтополиса несомненно связаны с культом Великих самофракийских богов. Часть объектов, орнаментированных гирляндами из листьев и плодов плюща, с большой долей вероятности, могут быть соотнесены с Дионисом (Чичикова, 1975, с.194). Правомочность такой интерпретации подтверждают обнаруженные в Севтополисе эпиграфические и археологические материалы (Димитров, 1957, с.202, 216).

Как косвенные свидетельства почитания Диониса древними обитателями Кошарского городища можно привести две находки из культовых (?) ям, открытых в жилой части памятника: кратер "керченского стиля" со сценой амазономахии (Левина, 1989, с.35-37) и терракота, которая представляет собой точную копию статуэтки пьяного Геракла из склепа 4 кургана Большая Близица. Комплекс вещей из этого погребения, П.Александреску, в отличие от А.А.Передольской (Передольская, 1962, с.78-79, рис.33), связывает не с культом Элевсинских богинь, а с культом хтонического Диониса (Alexandrescu, 1966, p.75-86). Почитателями хтонического Диониса, возможно, был сооружен и зафиксированный в Кошарском зольнике глинобитный жертвенник. То, что подобные объекты имеют отношение к хтоническим культам, подтверждают исследования фракийских курганных могильников (Чичикова, 1975, с.185-187).

С культом Диониса могут быть соотнесены также обнаруженные в зольнике глиняные поделки, фаллоидная и фрагмент зооморфной фигурки (бык?). Процессии с фаллосом были самой публичной формой эллинистических праздников, посвященных Дионису (Иванов, 1994, с.122). Особенная популярность изображений быка в эллинистической Ольвии (по количеству их находок Ольвия занимает первое место в Северо - Западном Причерноморье) исследователи объясняют большой ролью культа Диониса в религиозной жизни полиса (Русева, 1982, с.135-137). В связи с этим обращают на себя внимание обнаруженные в отложениях Кошарской эсхары многочисленные камни - дикари, часто зооморфные и антропоморфные. Среди них определенно выделяется серия "букраниев". Именно серийность формы позволяет предположить ее неслучайный характер и гипотетически соотносить каменные "букрании" с известными мотивами Дионису хтоническому, а именно — ольвийскими букраниями из свинца (Зайцева, 1971). На последних хотелось бы остановиться немного подробнее, так как они, похоже, имеют отношение к теме, вынесенной в заглавие данной статьи.

Свинцовые культовые поделки неоднократно находили в Ольвии. Наиболее многочисленна группа изделий, изображающих головы быков, баранов и лабрисы. В представлении греков претерпевающий превращения в различных животных Дионис был тесно связан именно с быком. На ольвийских изделиях эта связь подчеркивается такими "говорящими" элементами декора как грозди винограда и листья плюща, которые хорошо известны, детально описаны и интерпретированы (Зайцева, 1971, с.96-95; Русяева, 1979, с.87-90). Таким образом, на букрациях представлены три ипостаси бога: в зооморфном облике - бык, и в фитоморфном - виноград и плющ. В несомненном культовом контексте, не исключено, что даже простой орнаментальный мотив в виде "ёлочки" на букрациях и головах баранов служил указанием на ещё одну ипостась бога как Диониса Древесного (срав. сцена вырывания священного дерева - ели - в "Вакханках" (1109-1110) Еврипида).

В эллинических колониях на берегах Понта, кроме Ольвии, подобные вотивы известны только в окружённой фракийскими племенами Аполлонии. Проанализировав и сравнив стилистику аполлонийских букраций с изделиями фракийских торевтов, И.Венедиков пришёл к выводу, что свинцовые изображения быков "изготовлены фракийскими мастерами, которые жили и работали в Аполлонии" (Венедиков, 1969, с.71, 74, рис.1).

Ольвийские изделия, кажется, никто ещё не рассматривал с точки зрения понсков фракийских параллелей (рис.3). Интересна своеобразная, как и в Аполлонии, далекая от реалистичности трактовка глаз животных: "глаза переданы в виде выпуклых точек, обрамлены тремя или четырьмя дугами, обозначающими складки кожи" (Зайцева, 1971, с.84). Помимо серебряных аппликаций в виде головы быка из кладки в Крайове (Berciu, 1969, p.155-156, 160, fig.109, 2; Венедиков, 1969, с.74), более близкой аналогией служат букрации на серебряной фиале №94 из Рогозенского кладки (рис.3, 8). Интерес представляет и обнаруженный у Калофера (район г. Левски, Болгария) фракийский сероглиняный лентной ритон IV - III вв. до н.э. (рис.3, 9). Сосуд оканчивается головой быка. Глаза животного трактованы в манере, сходной с ольвийской (по стилю изображения глаза животного напоминают окружённые дуговидными каннелюрами букелки на керамических сосудах более ранних эпох). На фронтальной стороне сосуда, непосредственно над головой быка, резными линиями нанесён орнамент в виде "ёлочки". При сравнении букраций из Аполлонии и Ольвии с изображениями на вещах из Крайовского и особенно Рогозенского кладок, сходство ольвийских экземпляров более очевидно. Типичные для фракийских мастеров вихревые розетки (сегитеро-колесо) (Berciu, 1969, p.155-156, 160, fig.109, 2; Мозолевикий, 1975, с.169, 175, рис.6; Тракийского съкровище, 1988, fig.14) отсутствуют в Аполлонии (их замещает горгонсон), но имеются на многих ольвийских экземплярах (Зайцева, 1971, рис.1, 4; 2, 7; 3, 2). Возможно, этот символ подчеркивал дуализм Диониса (уранизм - хтонизм), что сближает ольвийский культ с фракийским орфизмом (Фол, 1991, с.57, 75).

Изображения головы барана, украшенные гроздьями винограда и плющом, равным образом могут соотноситься как с самофракийскими богами, так и с тесно связанным с ними Дионисом (Зайцева, 1971, с.98). Проникновение не только собственно самофракийского культа Кабиров, но и его фракийского варианта, обликующегося с культами Деметры и Диониса, в Ольвии заметно, начиная с V в. до н.э. (Русяева, 1979, с.100).

Изготовление в Ольвии с IV в. до н.э., наряду с фракондией керамикой, явно не бытовых (вотивных) изделий с фракондскими чертами может рассматриваться как свидетельство фракийских влияний не только в материальной, но и духовной культуре. Тем менее удивительно появление фракийских элементов в культуре Кошарского городища, находящегося на западной окраине Ольвийского полиса. Вероятнее всего, оно объясняется притоком в регион выходцев с западного побережья Понта.

Гипотетически памятники, подобные Кошарскому городищу с его "теменосом", зольником, культовыми ямами и фракондией керамикой, сопоставимы с "полями ритуальных ям" Фракин. Культурный слой, перекрывающий ямы фракийского сакрального памятника IV - III вв. до н.э. у с. Краево (Болгария), по своей структуре напоминает Кошарский зольник (прослойки глыбы, остатки огня, орнаментированных жертвенников) (Гинева, 2000, с.58-60). В западной части "полей ритуальных ям" на Большом Острове озера Дуранкулак (Tonkova, 1997, p.598, n.6) "est documenté un terrain sacrificatoire" (= зольник?). Во фракийских святилищах этого типа находят разрозненные человеческие кости, археологически фиксируются человеческие жертвоприношения (Tonkova, 1997, p.592-600).

С фракийскими оргастическими (дионисийскими?) культами гипотетически можно связать и человеческие кости в отложениях Кошарского зольника. Ритуальное расчленение человеческого тела играло большую роль в религиозных представлениях древних обществ. Под расчленением понималось, прежде всего, отсечение конечностей, потом обезглавливание (Иванов, 1994, с.131-134), что коррелируется с обнаруженными в Кошарском зольном жертвеннике человеческими костями: фаланги, лучевая и берцовая, а также черепные крышки с чёткими следами обработки (подрезка, заполировка и пр.). Такого рода находки наводят на предположение о ритуальной и, соответственно, культовой связи зольного жертвенника городища Кошары с некрополем, возможно, как отражения древних представлений о взаимобусловленности звеньев цепи "жизнь - смерть - возрождение" (Топоров, 1989, с.14-15). В пользу этой гипотезы свидетельствуют также объекты могильника, как неграбленные погребения, в которых у следов отсутствовали черепа и кости конечностей (Диамант, 1972, с.190-191), а также детские захоронения и культовое "размещение расчленённого костяка взрослого человека", обнаруженные в интерпретируемых как эсхары чашеобразных углублениях (Папуши - Владыко, Редина, 2002, с.61). И хотя из цитируемого выше определения состояния скелета логически вытекает заключение о существовании у древних обитателей городища практики человеческих жертвоприношений,

утверждать что-либо было бы преждевременно. Не исключено, что мы столкнулись со своеобразными пережитками ритуалов сакрального расчленения тела (мертвого тела как заместительный ритуал или ритуальное вторжение в погребение?), характерных для оргнастических культов. Планируемая публикация материалов и результатов исследований некрополя, вероятно, внесет ясность в этот вопрос, и, несомненно, даст новые сведения о культовой практике населения городища.

Всё сказанное не исключает присутствия в культуре античного Причерноморья элементов синхронной культуры лесостепи. Вполне закономерно, что строительная традиция (Соловьев, 1985, с.78), наряду с традицией сооружения зольников и культовой практикой могил параллельно привносится в греческие колонии и на поселения их хоры выходцами из подвергшегося значительному фракийскому влиянию лесостепного региона. Однако краткая характеристика сакральной зоны в Кошарах и, возможно, слишком смелые аналогии, как кажется, дают право на существование высказанным в настоящей публикации гипотезам. Хотя эти предположения базируются на пока немногочисленных данных, работа в "западном" направлении кажется интересной и перспективной.

Thracian elements in the culture of the North – West Black sea area in ancient times (in connection with the excavations on the "temenos" of the Koshary settlement

(Summary)

L.V.Nosova

Scholars have paid attention to the question of the presence of Thracians among inhabitants of the Olbia polis in different periods of its history. This paper is aimed at studying the thracian component of heterogeneous indigenous cultural influence on the settlement (Koshary site) in the western outlying area of the city-state of Olbia.

The Koshary archaeological complex (settlement and necropolis) of the end of V — the first third of III c. BC is situated on the right bank of the Tiligul estuary. The Koshary settlement probably was the western outpost of Olbia polis, its administrative and religious center in the Lower Tiligul region.

The building remains on the residential area, tombs and burial rituals of the necropolis indicate that Hellenic (Olbian) traits prevailed in the culture of the Koshary settlement. Its population was not homogeneous and included both Greeks and hellenized Barbarians. Finds of hand-made pottery of thracian types at the Koshary site are evidence that the population of the settlement comprised a thracian component. It appears that the results of investigations on the Sacred Zone of the Koshary settlement permit to talk about the Thracian influence not only in the material culture, but also in the spiritual one of the Olbia polis during the Late Classical and Hellenistic Periods.

Литература

- Балабанов П. Фракийское святилище возле Дебелта // *Thracia Pontica* III. – Sofia, 1986. – P.221-237.
- Бруйко И.В. Причерноморье и Прикарпатье в раннескифскую эпоху (к проблеме взаимных контактов на примере серой гончарной керамики) // *Киммерийцы и скифы*. – Мелитополь, 1992. – С.19-20.
- Бруйко И.В., Назарова Н.П., Петренко В.Г. Древние культурные ландшафты на юге Тилгуло - Днестровского междуречья по данным аэрофотосъемки // *Северо - Западное Причерноморье - контактная зона древних культур*. – К., 1991. – С.37-44.
- Буйских С. Некоторые вопросы пространственно - структурного развития ольвийской хоры (VI - II вв. до н.э.) // *Ольвия и её округа*. – К., 1986. – С.17-28.
- Ванштейн С.И. Проблемы истории жилищ степных кочевников Евразии // *СЭ*. – 1976. – №4. – С.42-62.
- Венедиков И. Фракийцы в греческом искусстве Понтийской Аполлонии // *СА*. – 1969. – №3. – С.71-78.
- Гаврилюк Н.А. Домашнее производство и быт степных скифов. – К., 1989. – 112 с.
- Гайдукевич В.Ф. Античные города Боспора. Мирмекий. – Л., 1987. – 182 с.
- Гинев Г. Тракийски могили при село Кралско, Търговишко. – Варна, 2000. – 111 с.
- Гребенников Ю.С., Елисеев В.Ф., Ключинцев В.Н. Погребения предскифского периода в Южном Побужье // *Ранний железный век Северо - Западного Причерноморья*. – К., 1984. – С.33-49.
- Диамант Э.И. Монетные находки Кошарского поселения: (К вопросу о западной границе Ольвийского полиса) // *Археологические исследования Северо - Западного Причерноморья*. – К., 1978. – С.241-249.
- Диамант Е.І. Розкопки на некрополі Кошарського городища // *Археологічні дослідження на Україні в 1969 р.* – Вип. IV. – К., 1972. – С.190-191.
- Диамант Э.И. Погребальные сооружения Кошарского некрополя // *Тезисы докладов XX Республиканской конференции*. – Одесса, 1989. – С.65-66.
- Диамант Э.И. Надгробие Леофанта, сына Накхиона из погребального комплекса Кошарского некрополя // *Древнее Причерноморье*. – Одесса, 1989. – С.24-25.
- Диамант Э.И., Левина Э.А. Лепная керамика Кошарского поселения // *Северо - Западное Причерноморье - контактная зона древних культур*. – К., 1991. – С.87-94.
- Димитров Д.П. Севтополь - фракийский город близ с. Копринки Казанлыкского района // *СА*. – 1957. – №1. – С.199-216.

- Зайцева К.И. Ольвийские культовые санцовые изделия // Культура и искусство античного мира. – Л., 1971. – С.84-106.
- Иванов В. Дионис и прадионисийство. – СПб., 1994. – 344 с.
- Карышковский П.О. Монеты западно - понтийских династий, найденные в Северном Причерноморье // СА. – 1962. – №4. – С.49-58.
- Ковпаненко Г.Т., Бессонова С.С., Скорый С.А. Памятники скифской эпохи Днепровского Лесостепного Правобережья (Киево - Черкасский регион). – К., 1989. – 336 с.
- Козуб Ю.І. Передмістя Ольвії // Археологія. – 1979. – №29. – С.4-7.
- Крижанський С.Д. Ольвія і скіфи у V ст. до н.е. До питання про скіфський "протекторат" // Археологія. – 2001. – №2. – С.21-35.
- Крижанський С.Д., Русяєва А.С. Найдавніші житла Ольвії // Археологія. – 1978. – №28. – С.3-26.
- Левина Э.А. Кратер "жерченского" стиля из Кошарского поселения // Древнее Причерноморье. – Одесса, 1989. – С.35-37.
- Левина Э.А. Строительные комплексы Кошарского поселения // Тезисы II-й областной историко - краеведческой конференции, посвященной 200-летию основания Одессы. – Одесса, 1991. – С.115-117.
- Марченко К.К. Варяры в составе населения Березани и Ольвии. – Л., 1988. – 144 с.
- Марченко К.К. К проблеме греко - варварских контактов в Северо - Западном Причерноморье V - IV вв. до н.э. (Сельские поселения Нижнего Побужья) // Stratum plus. – СПб.; Кишинёв; Одесса, 1999. – №3. – С.145-172.
- Марченко К.К., Доманский Я.В. Два поселения Нижнего Побужья архаического времени (Опыт сравнительной характеристики материальной культуры памятников) // Stratum plus. – СПб.; Кишинёв; Одесса, 1999. – №3. – С.26-74.
- Марченко К.К., Соловьев С.Л. Нова група лінійної кераміки Нижнього Побужжя пізньоархаїчного часу // Археологія. – 1988. – 63. – С.56-59.
- Мелюкова А.И. Поселение Надлиманское-3 на берегу Днестровского лимана // Исследования по античной археологии юго - запада УССР. – К., 1980. – С.5-23.
- Мелюкова А.И. Скифия и фракийский мир. – М., 1979. – 256 с.
- Мелюкова А.И. Новые данные о скифо - фракийских взаимоотношениях в IV - III вв. до н.э. // РА. – 1995. – №1. – С.28-35.
- Мозолевский Б.Н. Фракийская узда из Хоминной могилы // Studia Thracica. – I. – 1975. – С.166-179.
- Молсва Н.В. Некоторые итоги археологического исследования Китейского святилища // Боспорский феномен: Греческая культура на периферии античного мира. – СПб., 1999. – Ч.1. – С.121-125.
- Никулин И.Т. Геты IV - III вв. до н.э. в Днестровско - Карпатских землях. – Кишинёв, 1977. – 170 с.
- Носова Л.В. О культовых зольниках античных поселений Северо - Западного Причерноморья (в связи с раскопками Кошарского

- археологического комплекса) // Боспорский феномен: Погребальные памятники и святилища. – СПб., 2002. – Ч.2. – С.62-68.
- Охотников С.Б. Нижнее Поднестровье в VI - V вв. до н.э. – К., 1990. – 88 с.
- Папуци - Владыко Е., Редина Е.Ф. Античный могильник у с. Кошары // Боспорский феномен: Погребальные памятники и святилища. – СПб., 2002. – Ч. 2. – С.56-62.
- Передольская А.А. Терракоты из кургана Большая Близица и гомеровский гимн Деметре // ТГЭ. – 1962. – Т.VII. – С.46-91.
- Редина Е.Ф. Ольвия и Кошары: сравнительная характеристика некрополей // Ольвия 200. – Парутино, 1994. – С.106-108.
- Редина Е.Ф., Хохоровски Я., Папуци - Владыко Е., Носова Л., Кокоржинская Т., Бодлек Я. Исследование античного поселения и могильника у с. Кошары // Археологічні відкриття в Україні 1999 - 2000 рр. – К., 2001. – С.204-206.
- Редина Е.Ф., Папуци - Владыко Е. Исследования археологического комплекса античного времени у с. Кошары // Археологічні відкриття в Україні 2001 - 2002 рр. – К., 2003. – С.240-242.
- Русяева А.С. Античные терракоты Северо - Западного Причерноморья (VI - I вв. до н.э.) - К., 1982. – 165 с.
- Русяева А.С. Земледельческие культуры Ольвии догетского времени. – К., 1979. – 172 с.
- Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. – М., 1981. – 608 с.
- Северская Н.М. Античный Никоний и его округа в VI - IV вв. до н.э. – К., 1989. – 127 с.
- Смирнова Г.И. Гальштатский компонент в раннескифской культуре лесостепи Северного Причерноморья (по материалам Немировского городища) // РА. – 2001. – №4. – С.33-44.
- Смирнова Г.И. Грунтовые постройки округлой формы в лесостепном междуречье Южного Буга и Днестра в раннескифское время: местные строительные традиции или новации // Дань і середньовічна історія України. – Кам'янець - Подільський, 2000. – С.80-93.
- Смирнова Г.И. Ещё раз о серой кружаловой керамике // АСГЭ. – 1999. – Вып.34. – С.44-57.
- Соловьев С.П. К вопросу о греко - варварском взаимодействии в Нижнем Побужье во второй половине VII - VI вв. до н.э. // Проблемы истории Ольвии. – Парутино, 1985. – С.78.
- Топоров В.Н. Древнебалканская неолитическая цивилизация: общий взгляд // Балканы в контексте Средиземноморья. – М., 1989. – С.14-15.
- Тракийского съкровище от Рогозен. – София, 1988. – 154 с.
- Фол А. Тракийският Дионис. Книга първа; Загрей. – София, 1991. – 344 с.
- Чичикова М. Жертвенники эллинистической эпохи во Фракии // Studia Thracica. – I. – 1975. – С.180-195.

Alexandrescu P. Le symbolisme funéraire dans une tombe de la Péninsule de Taman // *Studii clasice*. – 1966. – VIII. – P.75-86.

Berciu D. Arta traco-getică. – București, 1969. – 234 p.

Berciu D., Preda C. Săpăturile de la Tariverde // *MCA*. – 1961. – VII. – P.273-281.

Gună M. Civilizația primei epoci a fierului în sud - vestul României. – București, 1993. – 422 p.

Moscalu E. Ceramica thraco - getică. – București, 1983. – 514 p.

Preda C. Săpăturile de la Alexandria // *MCA*. – 1961. – VII. – P.209-217.

Simion G. Le site de Celic - Dere. Interprétations ethno - culturelles et implications dans la chronologie du Hallstatt final // *Premier âge du fer aux bouches du Danube et dans les régions autour de la Mer Noire*. – Tulcea, 1997. – P.231-252.

Solovyov S.I. Ancient Berezan. The Architecture, History and Culture of the First Greek Colony in the Northern Black Sea. – Leiden / Boston / Köln, 1999. – 148 p.

Tonkova M. Un champ de fosses rituelles des V - IV s. av. J. - C. pres de Gledacevo, Bulgarie du Sud // *The Thracian World at the Crossroads of Civilizations*. – Bucharest, 1997. – Vol.1. – P.592-600.

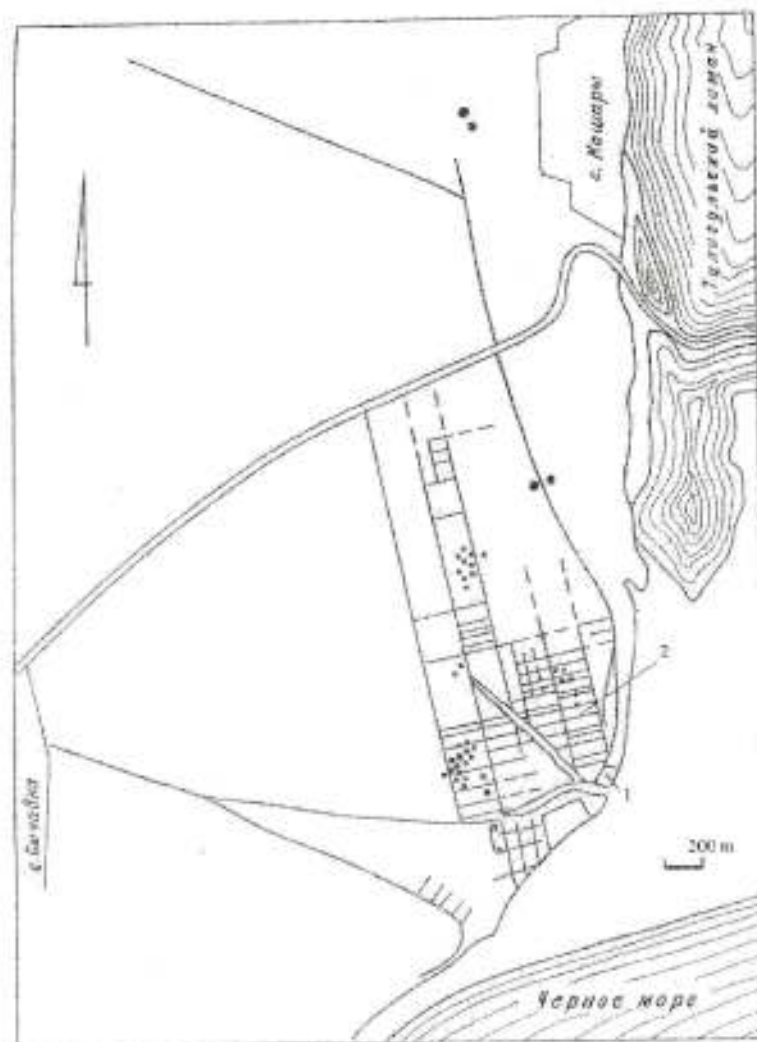

Рис.1.

Аграрная система, могильники и дороги комплекса памятников конца V - начала III вв. до н.э. у с. Кошары: 1 - городище; 2 - исследуемый некрополь городища (по Брушко, Назарова, Петренко, 1991).

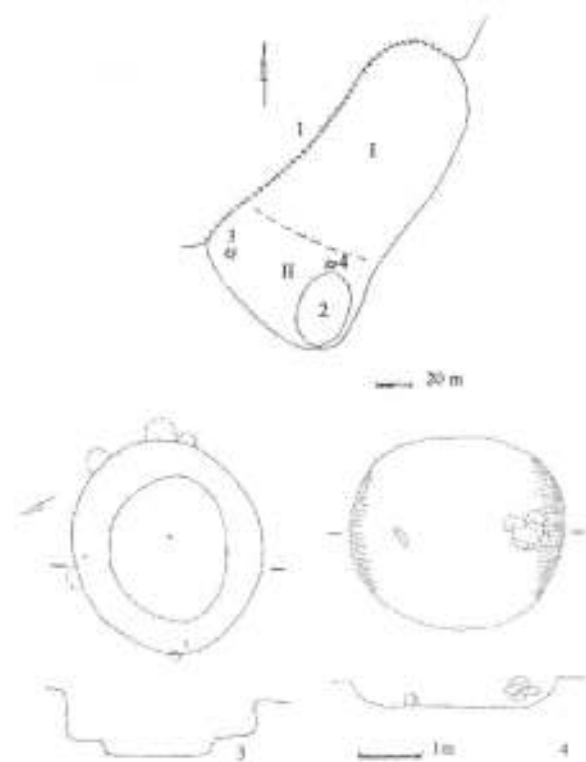

Рис.2.

Топографическая схема городища Кошары с указанием зоны жилой застройки (I), священного участка (II), ложбины на месте предполагаемого рва (III), эсхары (2) и строительных комплексов 1 (3) и 2 (4).

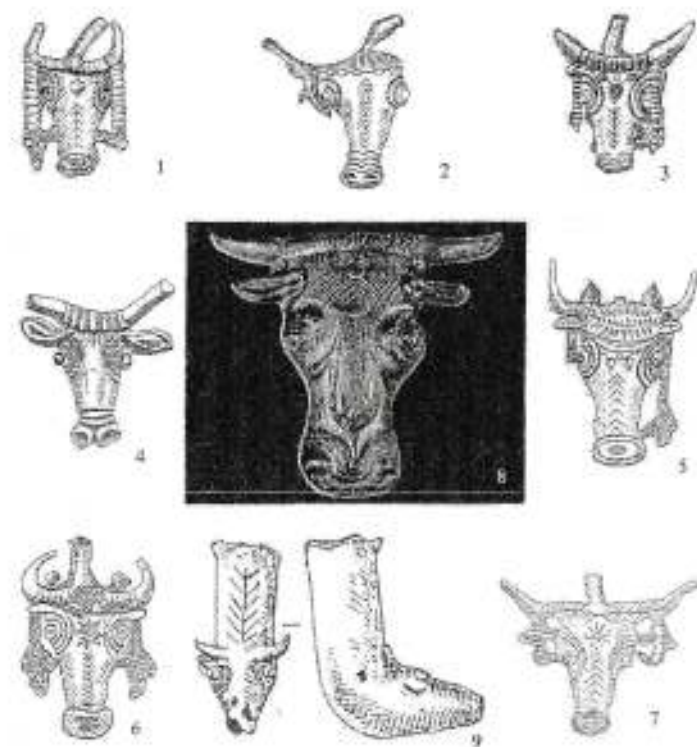

Рис.3.

Изображения головы быка: 1-7 — ольвийские букраны (по Зайцевой, 1971); 8 — букраной на серебряной фиале №94 из Рогозенскогоклада (по Тракийского съкровище, 1988, фиг.14); 9 — фракийский сероглиняный лепной ритон IV — III вв. до н.э. (Калофер, район г. Левски, Болгария) (по Москаль, 1983).